

есть энергия Божия и сам Бог, отсюда – когда эта энергия сообщается человеку – в нем также действует Бог.

En d'autres termes, la prière effective n'est possible que si le nom de Dieu est l'énergie divine et Dieu lui-même, d'où vient que cette énergie est transmise à l'homme et Dieu agit dans cet homme».

Заметим, что в переводе русского слова энергия с помощью французского эквивалента énergie содержание русского концепта изменяется и непонятно в рамках теории имяславия и русского православия.

Таким образом, перевод текстов А. Лосева на французский язык позволяет констатировать серьезные трудности лингвистического и концептуального плана.

С одной стороны, может идти речь об обозначении различных концептов одной лингвистической единицей. Отсутствие слов и выражений приводит к поиску другого лексического варианта, что, в свою очередь, приводит к изменению содержания концепта, переведенного другим словом.

С другой стороны, есть сложность в передаче содержания концепта, на первый взгляд, эквивалентными словами в обоих языках. Такой перевод нуждается в разъяснениях, сопровождающих слово-эквивалент в совокупности его национально-культурных специфических черт.

В заключение отметим, что любой перевод представляет собой разновидность межкультурной

коммуникации, которая происходит между автором и переводчиком текста, где каждая сторона неизбежно привносит персональное видение вещей. Перевод включает сложное взаимодействие разных исторических и культурных факторов и является попыткой и совмещать, и устранять культурное и концептуальное недопонимание. Особенно это касается перевода философских текстов, которые содержат достаточно большое число концептов, несущих культурную и историческую информацию и отражающих различные точки зрения авторов.

Итак, осуществленный перевод некоторых текстов А. Лосева обнаружил два типа трудностей. В первом случае речь идет о проблемах чисто лингвистических, связанных с отсутствием слов в языке перевода для обозначения некоторых концептов. Во втором случае проблема, скорее, концептуального плана, поскольку перевод определенного концепта с одного языка на другой не всегда адекватен и не передает полностью его смысла. В то же время каждый перевод или интерпретационная передача содержания концепта с одного языка на другой могут оказаться полезными для будущих исследователей текстов иностранных авторов.

Примечания

- ¹ Примеры в статье цитируются по: Лосев А.Ф. Имя. СПб., 1997.

УДК 811.133.1:316

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ЯЗЫКОВУЮ ПОЛИТИКУ ФРАНЦИИ Часть I

В.Т. Клоков

Саратовский государственный университет,
кафедра романской филологии
E-mail: kvassili@mail.ru

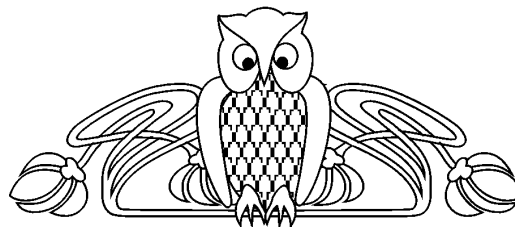
В статье рассматриваются основные принципы и этапы развития языковой политики в отношении распространения, употребления и состояния современного французского языка.

Ключевые слова: языковая политика, центризм, экспансионизм, пуризм, имплантация, импорт, наложение, вкрапление, языковое законодательство, реформа орфографии, феминизация имен.

A Modern View on the Language Policy in France

V.T. Klokov

The article describes the basic principles and stages of the development of the language policy in terms of the distribution, use and quality of the French language today.

Key words: language policy, centrism, expansionism, purism, implantation, import, superposition, interspersion, language legislation, spelling reform, feminization of nouns.

В начале XXI в. в условиях расширения глобализационных процессов, укрепления в связи с этим позиций английского языка и ослабления, соответственно, позиций французского французские филологи начали активно обсуждать вопросы языковой политики, желая найти объяснения неудовлетворительного положения французского языка в мире.

Исторически сложившиеся принципы языковой политики французского государства в самых общих чертах вписываются в следующую систему понятий:

– *центризм*, выражающийся в стремлении сформировать в рамках унитарной государственности единый язык (французский);

– *экспансионизм*, выражающийся в стремлении придать французскому языку всеобщий характер и распространить его на территории всей Франции и в других странах мира;

– *пуризм*, выражающийся в стремлении выработать идеально правильную форму французской речи и навязать ее всем пользователям французского языка как во Франции, так и за ее пределами.

По своему устройству Французская республика представляет унитарное государство, и в этом отношении она отличается, в частности, от федеративной Бельгии и конфедеративной Швейцарии. На этническом уровне Франция считается моноэтнической, так как все ее граждане считаются французами. Она также противопоставляется Бельгии и Швейцарии, этническое устройство которых многообразно. На культурном уровне Франция относится к монокультурному типу и противопоставляется мультикультурным сообществам Бельгии и Швейцарии. То же и в области языка: Франция одноязычна, а Бельгия и Швейцария многоязычны.

Впрочем, описываемые модели государственного, этнокультурного и языкового устройства в некоторой степени условны. На самом деле в Бельгии, Швейцарии и во Франции существует большое разнообразие этносов, культур и языков. Главное состоит в том, что французский унитаризм составляет основу государственной идеологии и строго реализуется в области этнокультурной и языковой политики. В этноязыковой политике Бельгии и Швейцарии ярко проявляются этническая диверсификация и многоязычие.

Уже в монархической Франции языковая политика была направлена на провозглашение только одного официального (французского) языка в ущерб латинскому, а также существовавшим диалектам и региональным языкам.

Политика языкового унитаризма во Франции ориентируется на один язык не только в стране, но и за ее пределами. Вначале экспансия французского языка распространялась на Европу, затем на обширные территории мира. Долгое время французский язык претендовал на роль всеобщего языка, однако эту задачу ему не удалось реализовать в полной мере, и в роли мирового языка выступил английский.

Политика централизации и экспансионизма по отношению к французскому языку проводится не только на территориальном, но и на структурном уровне. Универсалистский подход основывается на игнорировании вариативности французского языка и принятии его в исключительном однообразии для всех пользователей. Со времен создания Французской Академии эта идеология выражается в пуризме, являющемся основой языковой политики французского государства.

Языковой центризм. Лингвистический центризм представляет собой особую идеологию

языковой экспансии, когда распространение языков происходит при установлении доминирования одного, наиболее престижного языка над всеми остальными языками, входящими в орбиту его влияния. В свою очередь, лингвистический центризм подчинен идеологии национализма, т.е. задаче создания в обществе единой нации на основе единой культуры и единого языка.

Политика централизации в области языка была впервые заявлена в Ордонансе Франциска I, где устанавливалось, что судопроизводство во французском королевстве должно осуществляться только на французском языке. Многие другие указы в XVI–XVII вв. коснулись распространения единой официальной формы речи, исходившей из домена французских королей. Затем благодаря типографскому станку книги, словари, учебники грамматики стали печататься в столице Франции и распространяться по стране и за рубежом. Созданная в XVII в. Французская Академия приступила к составлению единого словаря французского языка, содержание которого было ориентировано на речь лучших поэтов и писателей королевского двора. В этих мероприятиях прослеживалась следующая закономерность: чем больше центральная система приближалась к автономии и самостоятельности, тем более ее периферийные территории вступали в зависимость от центра, притягивались к нему, растворялись в нем и исчезали¹.

Языковая централизация во Франции особенно бурно развивалась в XVII–XIX вв. В это время окончательно вымерла латынь, затухли диалекты, усилилась ведущая позиция французского языка, а региональные языки стали испытывать его сильное давление. Благодаря концентрации экономической, политической и культурной жизни во Франции французский язык вступал в этап существования в качестве общеевропейской формы речи. Кроме того, в XIX в. Франция превратилась в мощную колониальную державу и объединила вокруг себя с помощью своего языка новые народы за пределами Европы.

Государственная власть – королевская, имперская, республиканская – всегда использовала язык в своей национальной политике, выбирая его в качестве средства укрепления национального устройства страны. Мероприятия в этой области отвечали принципу объединения разрозненных территорий в единое французское государство и укрепления его мощи путем централизации власти, экономики, культуры и языка.

Централизация французского языка завершилась в конце XX в., когда в 1992 г. во второй статье Конституции, принятой в Пятой Республике, было записано: «La langue de la République est le français» (языком Республики является французский язык)².

Завершение централизации французского языка означает не только его полную концентрацию в Париже и не только окончательную победу по

уничтожению местных диалектов романской речи (сегодня от них остались только отдельные следы во французских региолектах), но и фактическое подавление региональных языков Франции: бретонского, корсиканского, каталанского, эльзасского, баскского. Хотя региональные языки до сих пор остаются в активе национальных меньшинств страны, кажется, что достигнут тот минимальный предел сокращения числа их носителей, за которым не видно перспективы их возрождения. Как свидетельствует Б. Черкилини, опросы Национального института демографических исследований свидетельствуют о ежегодном значительном снижении количества граждан Франции, пользующихся языками национальных меньшинств: все меньше становится среди них взрослых людей, которые передают детям свои языковые навыки. В сегодняшней Франции уже нет таких граждан, которые пользовались бы только региональным языком; все представители национальных меньшинств стали билингвами и наряду со своими родными языками обязательно владеют французским. Сменилось место обучения региональным языкам: из семьи оно переместилось в школы. Однако школьная поддержка этих языков гораздо менее эффективна, чем семейная, так как основная функция региональных форм речи состоит именно в обеспечении общения в семье³.

Несмотря на определенные достижения в укреплении своего положения, французский язык в конце XX – начале XXI в. стал терять свои позиции. Ксавье Норт, руководитель Генеральной делегации французского языка и языков Франции, уточняет: «На протяжении долгой истории, несмотря на очевидность фактического многоязычия, в подразумеваемой, а затем и вынужденной быть одноязычной Франции культ единого французского языка поддерживался постоянно. Однако в последние пятьдесят лет эта модель подверглась колебаниям в сторону изменений, затронувших статус французского языка. Прошло то время, когда французский язык, утверждая свою международную всеобщность, противопоставлял себя исключительно местным региональным языкам, соперничал с ними и вступал с ними в антагонистические отношения. В настоящее время он находится в конфронтации одновременно к известному доминирующему языку (английскому) и вынужден соперничать со всеми языками мира, некоторые из которых в результате миграционных процессов были импортированы на его собственную территорию. В результате таких обстоятельств политика государства в отношении французского языка вынуждена была меняться и отвечать новым задачам»⁴.

В конце XX в. французскому языку потребовалась особая государственная поддержка в форме закона, который и был принят 4 августа 1994 г. под названием «закон Тубона». Суть его состоит в том, чтобы в условиях расширения международных контактов гарантировать французским гражданам право свободно пользоваться в стране своим

родным языком и любую информацию получать именно на французском языке.

Принятие такого закона было обусловлено главным образом демографическими осложнениями, связанными со значительным сокращением в стране исконно французского населения. Примечательно, что ситуация с французским языком в значительной степени отличается от положения испанского, английского и португальского языков в англоязычных, испаноязычных и португалоязычных странах. Как замечает Ж.-М. Клинкаберг, если в странах франкофонии французский язык является родным для незначительной части населения и только центризм бывшей метрополии объединяет их, то в англоязычных, испаноязычных и португалоязычных странах язык метрополии является родным для значительного большинства населения⁵. В этой связи можно заключить, что универсализм французского языка основывается не только на централизующей силе французской политики, экономики и культуры Франции, но и на свободном выборе многих граждан земного шара пользоваться французским языком в качестве универсальной формы речи.

Отметим следующую характерную черту существования франкоязычной Франции в системе франкоязычных государств. Благодаря проведению французским государством политики централизма Франция оказалась единственной моноязычной страной в системе франкофонии, что в политическом плане, безусловно, изолирует ее от остальных франкоязычных стран. Проводя в своих странах плюралистическую языковую политику, многие правительства с трудом соглашаются на франкоязычный диктат, при котором со стороны Франции не уделяется должного внимания их национальным языкам, не оказывается помощи в их функциональном и структурном устройстве.

Языковой экспансионизм. Ж.-М. Клинкаберг приводит следующее определение феномена языковой экспансии: «Языковая экспансия представляет собой процесс, в результате которого некоторая разновидность языка расширяет границы своего функционирования в обществе. Наиболее наглядно она представлена в своем пространственном аспекте, то есть когда речь идет о географическом перемещении того или иного языка. Однако экспансия языка может осуществляться и внутри одной и той же социальной общности без нарушения ее географических границ, в частности, когда диалекты уступают языковому стандарту, когда религиозные церемонии проводятся на общедоступном, а не на специальном священном языке, когда национальные меньшинства сохраняют свой язык или когда в неанглоязычных сообществах общение на научные или экономические темы осуществляется на английском языке. Во всех случаях (за исключением колонизации незаселенных территорий) экспансия одного языка осуществляется за счет другого, и совершается она через установление ситуации диглоссии и конфликта»⁶.

На протяжении долгой истории существования языков имели место следующие типы экспансии:

– *имплантация* – ситуация, при которой некоторая разновидность языка стремится к доминированию на значительной территории и превращается в средство общения для большей части населения;

– *импорт* – ситуация, при которой на определенной территории распространяется некоторая разновидность языка в виде островных участков;

– *наложение* – ситуация сосуществования двух или более языков, один из которых выполняет роль стандарта, или официального языка;

– *вкрапление* – ситуация, при которой на некоторой территории распространяется разновидность языка без придания ей официального статуса⁷.

Французскому языку в большей степени свойственны такие типы экспансии, как вкрапление и наложение с последующей имплантацией. Например:

– имплантация франсийского диалекта на отдельные территории Франции и превращение его в единый национальный и официальный язык (внутренняя экспансия);

– наложение франсийского диалекта на галло-романские формы речи, в частности в Провансе, Валлонии, Гельвеции, Долине Аосте, с последующим провозглашением его официальным языком на данных территориях (внутренняя экспансия);

– вкрапление или наложение французского языка на нероманоязычные языки Европы, в частности во Фландрии, Люксембурге (внутренняя экспансия);

– наложение и вкрапление французского языка в африканских колониях, где ему был придан официальный статус или статус языка культуры (внешняя экспансия);

– экспансия французского языка на территории колонизованной Канады с последующей имплантацией в Квебеке и наложением в других канадских областях – Нью-Брансуике, Акадии и др. (внешняя экспансия);

– экспансия французского языка на территории, где применение рабского труда способствовало образованию креольских языков с последующим наложением на них французского языка, в частности, на Гаити, в Луизиане, в Гвиане, на Сейшельских островах и др. (внешняя экспансия);

– вкрапление французского языка в европейских странах, в частности в Италии, Англии, Румынии, России и др., а также в Азии, в частности в Турции, Персии и др., где французский язык играл роль языка культуры (внешняя экспансия).

Причины экспансии французского языка носят как лингвистический, так и экстралингвистический характер. При языковой экспансии обычно обнаруживается целая серия экономических, политических, общекультурных, а иногда и военных причин. Экспансия языка в основном

является результатом переселения людских масс (в случае эмиграции или иммиграции, колонизации, массового туризма, военного захвата территорий и т.д.) или привнесения элементов культуры (предметов потребления, культурных ценностей, знаний, моделей административного управления, промышленных технологий и т.д.).

Имплантация французской формы речи вначале на отдельные территории романизированной Галлии, а затем на всю Францию и на страны Европы сопровождала политическую экспансию, осуществляемую методом центризма, т.е. путем использования центростремительных сил, исходящих от французских властей, французской культуры и французского языка. Франция притягивала к себе соседние политические системы, культуры и языки, втягивала их в себя и растворяла в себе. Все это происходило в результате определенных политических (порой военных), а также культурных мероприятий, многие из которых носили централизующий характер.

При экспансии собственно языковой фактор реализовался редко. В отдельных ситуациях особую роль играл социо-психологический фактор, связанный с неудовлетворенностью сообществ собственной формой речи, с развитием у их членов чувства речевой неуверенности и комплекса неполноценности, вызванного наличием у них малопрестижного, по их мнению, родного языка.

Фактор языковой неудовлетворенности играет важную роль не только за пределами Франции, но и на ее собственной территории. Чувство неуверенности появляется у тех французов, которые пользуются региональными языками, а также у малограмотных носителей французского языка, стесняющихся того, что они не могут свободно изъясняться на родном языке. Фактор речевой неуверенности и языковой неполноценности заставляет их совершенствовать свои знания французского языка, что способствует широкому распространению литературной нормы во французской среде.

Комплекс языковой неполноценности проявляется не только у малограмотных французов, но и, как это ни парадоксально, у носителей грамотной речи. Если первые понимают, что неумение пользоваться нормированной речью не позволяет им достичь жизненных приоритетов, и стыдятся своего собственного языка, то вторым стыдно за язык их сограждан и они начинают стыдиться деградации французского языка, которую они жестко критикуют⁸.

Комплекс языковой неполноценности заставляет официальные органы власти взглянуть на французский язык не только как на узаконенную систему знаков и правил пользования ею, но и как на живую систему, которой наряду с грамотными гражданами пользуются и другие представители французской нации. В определенной степени комплекс языковой неполноценности лежит в основе расширения зоны использования народно-

разговорной речи, внедрения ее элементов в литературный французский язык

В связи с этим возникает дилемма подчинения носителей некоторой формы речи своему языку и подчинения языка его носителям. Пуристический взгляд на эту проблему соответствует принципу лингвоцентризма, демократический – принципу антропоцентризма. Впрочем, оба подхода в той или иной мере нарушают эффективность реализации коммуникативной функции языка. Понятно, что для адекватного и свободного общения отношение носителей языка к средству общения также должно быть адекватным и свободным. Человек не может полностью находиться под влиянием языка и должен иметь возможность регулировать его. В свою очередь, язык не может полностью подчиняться воле человека и в определенной мере должен оставаться нормализованным и стабильным.

Маневрирование между этими двумя направлениями языкового развития представляет суть языковой политики. Государство стремится к установлению жестких рамок языкового функционирования и устройства, в то время как граждане – носители языка – пытаются предоставить языку свободу функционального обращения и развития.

Языковой пуризм. В XVII–XVIII вв. эпоха языковой централизации постепенно перешла в стадию лингвистического пуризма, т.е. в период формирования и распространения классических норм французского языка. Формировавшаяся в то время норма выковывалась в борьбе с латинским языком, романскими диалектами и другими языками Франции.

Именно языковой пуризм привел во Франции к языковому шовинизму, а затем и к лингвистическому национализму, т.е. к борьбе обладателей престижной формы языка с носителями других его разновидностей, а также других языков и культур во Франции и в мире. Языковая борьба на внутреннем и международном фронтах основывалась на следующем постулате: литературная норма французского языка считается лучше и привлекательнее других форм французского языка и языков других народов.

Изысканная манера разговаривать, умение пользоваться литературной нормой французского языка стали признаком принадлежности человека к образованной, избранной части общества. По этому признаку представители элиты стали квалифицировать человека как своего или чужого. В то же время в результате распространения в стране всеобщего школьного образования высшая форма французской культуры, по мнению пуристов, стала вульгаризироваться и выработанный способ идентификации стал терять свою эффективность. С точки зрения ревнителей чистоты французского языка, образование нивелировало культурную диверсификацию франкоязычных граждан, в связи с чем общий уровень культуры в стране понизился, что заставило их бороться

против вульгаризации французского языка, против реформ, которые в грамматике, орфографии и лексике упрощали язык в угоду демократизации образования и облегчения освоения французского языка иностранцами.

Эти процессы абсолютно закономерны в период становления и укрепления в стране национального сознания граждан. Осознание себя через язык считается эффективным (хотя и не единственным) средством строительства национального общества и централизованного государства. Тем не менее во Франции этот процесс принял исключительные формы.

Большую роль в пропаганде классической нормы французского языка во времена Империи и Реставрации играла школа. Детей элиты общества учили тому, как правильно писать, как логично, ясно и согласно плану излагать мысли. В классах предлагались следующие виды письменных работ: описание природы, формулирование определений для различных явлений, понятий и предметов, анализ художественных текстов и высказываний ораторов. Выполнение соответствующих упражнений предусматривало высокую степень грамотности и правильности использования речевых стилей. Обучение сопровождалось всякого рода запретами: «так писать нельзя», «так нельзя говорить».

Французский лингвистический шовинизм элиты достиг апогея в первой половине XX в., в связи с чем у многих французов развилось чувство языковой неуверенности и неполноценности. А. Мартине по этому поводу замечал: «Французы не осмеливаются в полной мере пользоваться своим языком, так как многие поколения грамматистов из числа профессионалов и любителей превратили его в область подвохов и запретов. В мире, подвергающемся ежедневному ускорению преобразовательного ритма, французы, как и все прочие люди, постоянно нуждаются в новых словах и новых выражениях. Но их приучили к повиновению, к раболепному уважению всего прошлого, к невозможности создавать ничего нового. Они боятся складывать сложные слова, свободно употреблять деривационные суффиксы, производить оригинальные комбинации слов»⁹.

В свою очередь Ж. Шоран задавался естественным вопросом, а не переходил ли в то время сам французский язык в категорию мертвых языков¹⁰.

Французы требовали правильного владения французским языком не только от своих детей, но и от иностранцев. При этом они яростно критиковали локальные особенности речи жителей стран Европы, Америки и Африки. Можно с уверенностью сказать, что, как правило, эта критика была направлена не на ошибки, а на самих иностранцев, которые позволяли себе неправильно говорить по-французски. Борьба с ошибками у французов носила всеобщий характер: в столице, в провинциях Франции и за пределами страны.

Как известно, исторически норма французского языка зародилась в результате исключения некоторых элементов, признанных недостойными к употреблению в благородном обществе. Иначе говоря, норма французского языка изначально формировалась как социально-классовая категория. Пуристическую идею говорить по-французски так, как говорят при королевском дворе, провозгласил вначале Франсуа Малерб, а за ним Клод Вожла. Впоследствии стала развиваться идея о нормировании языка в разных литературных стилях – высоком, среднем и низком. Таким образом, французская норма одновременно определялась с пуристических и стилистических позиций.

Норма французского языка XVII–XVIII вв. позднее признана классической, т.е. лучшей, чем более поздняя. Следовательно, норма французского языка стала осознаться хронологически.

Далее начала распространяться идея о том, что правильно по-французски говорят только образованные парижане. Отсюда норма французского языка стала обуславливаться территориально.

Наконец, норма французского языка стала носить национальный характер. Принято, что правильно по-французски говорят только французы. Но в связи с тем что понятие французской нации носит довольно абстрактный характер и не имеет определенных территориальных и социальных характеристик, на современном этапе во французском языкознании популярной становится мысль о том, что французская норма не имеет четких территориальных, хронологических, социальных и стилистических параметров, что она носит виртуальный характер, т.е. представляет собой некоторый инвариант, отраженный в современных лексикографических изданиях. Иначе говоря, норму французского языка стали соотносить с лексикографической референтностью.

В настоящее время параллельно с идеологией пуризма во Франции распространяются идеи ксенофобии. Ксенофобия во многом отражает реакцию французов на повышение роли США в мировой экономике и политике и выражает стремление восстановить позиции, утраченные в результате Второй мировой войны и распада французской колониальной системы в 60-е гг. Именно в 70–80-е гг. XX столетия во Франции активизировали свою работу терминологические комиссии, борющиеся против засилья английской терминологии. К. Дезира и Т. Орде в этой связи отметили следующее: «Все то, что не относится к национальному достоянию, вызывает агрессивную реакцию; и вместе с немецким словом или калькой с английского отмечается все иностранное. Национализм превращается в ксенофобию»¹¹.

Этот официально принятый во Франции подход к пониманию структурного и функционального устройства французского языка Ж.-М. Клинкаберга обозначает термином «эссенциализм» и понимает его как намеренный

отказ от рассмотрения с точки зрения вариативности¹². Напротив, согласно Ж.-М. Клинкабергу, вариативность французского языка представляет его важнейшую характеристику: «Сегодня хорошо видно, что французский язык многообразен. Прежде всего его многообразие проявляется на формальном уровне. И разве может быть иначе, ведь язык обладает огромным разнообразием средств, отвечающих самым разным потребностям и применяемых для решения самых разных стратегических задач. Многообразие французского языка особенно выражается в его способности обозначать широкий спектр разных ситуаций. Он больше не представляет собой монополию тех, кто связан между собой единым воспоминанием об Империи или о Жанне д'Арк. Французский язык представляет собой достояние многообразного мира, в своем существовании подверженному огромным рискам»¹³.

Тем не менее английская терминология продолжает распространяться во французском языке, и практика доказывает, что борьба против английских терминов малоэффективна, если она ведется только директивными методами. В условиях либерализации и глобализации государственные директивы не играют такой важной роли, как прежде; более эффективно действует всеобщий закон свободного развития языков под действием речевой практики обычных пользователей и специалистов.

И все же, сопротивляясь глобализации и англлизации, французская культура и французский язык продолжают объединять вокруг себя другие культуры. Особенно ярко это проявляется в рамках франкофонии, где единая языковая система объединяет множество разных культур, разных видений мира, разных способов поведения, общения и освоения знаний.

Л.-Ж. Кальве следующим образом представляет сегодняшнюю языковую ситуацию в мире: все языки составляют систему разноразноуровневых отношений, которые соответствуют политико-экономическим и культурным связям, исторически сложившимся между странами и народами. В центре такой системы находится гиперцентральный английский язык, ближнюю периферию составляет десяток суперцентральных языков, среди которых испанский, французский, арабский, китайский, хинди, русский и др. Вокруг суперцентральных языков располагается от 100 до 200 центральных языков, в орбиту которых входит от 4000 до 5000 языков дальней периферии. Отношения между языками этой системы устанавливаются горизонтально (между языками одного уровня) и вертикально (между языками разного уровня, где имеют место отношения доминирования и подчинения). Так, французский язык как язык суперцентральный находится в отношении подчинения к английскому языку, но в отношении равенства с другими суперцен-

тральными языками. В то же время французский язык находится в положении доминирования по отношению ко многим языкам, которые входят в орбиту его непосредственного подчинения, из числа языков дальней периферии: бретонскому, корсиканскому и др. (на территории Франции), бамана, волоф и др. (на территории бывших французских колоний).

На каждом из этих уровней проявляются две тенденции к установлению билингвизма: горизонтальный билингвизм (например, франко-арабский, франко-испанский и др.) и вертикальный билингвизм (например, англо-французский, франко-бретонский, франко-каталанский и др.)¹⁴.

Среди франкофонов различаются разные категории:

1) франкофоны, для которых французский язык является родным, и они пользуются им во всех случаях жизни;

2) франкофоны, для которых французский язык является родным, но они должны бороться за то, чтобы этот язык для них был не только средством домашнего общения;

3) франкофоны, которые выбрали французский язык для временного пользования, потому что он стал им интересен; тем не менее они легко могут отказаться от французского языка, если этот интерес у них исчезнет или они сочтут, что он стал неконкурентоспособным на языковом рынке;

4) франкофоны, которым французский язык был навязан, и, возможно, они мечтают избавиться от него¹⁵.

Языковая политика в своем имплицитном и эксплицитном проявлении во Франции носит глубоко государственный характер, свидетельством чего является длинный список государственных учреждений, созданных для участия в языковой политике французских властей. Б. Черкилини приводит следующий перечень (далеко не полный) таких органов языкового управления во Франции:

– Верховный совет по защите и распространению французского языка (при премьер-министре). Создан в 1966 г. и преобразован в Верховный совет французского языка в 1973 г. Заменен в 1983 г. на Консультативный совет по французскому языку (консультирует премьер-министра) и Генеральную делегацию по французскому языку (исполнитель-

ный орган Консультативного совета. Вначале подчинялся премьер-министру, теперь министру культуры);

– Верховный совет по франкофонии (создан в 1983 г. при президенте Республики);

– Государственный секретарь по делам франкофонии (этот министерский пост был создан в 1986 г.).

Кроме высших органов и постов во французском государстве существует множество более мелких учреждений, предназначенных для защиты французского языка¹⁶.

Примечания

¹ *Klinkenberg J.-M.* La diversité linguistique: un dogme ou un programme? // *Dialogues et cultures*. 2005. № 50. Le français, le défi de la diversité. P. 60–61.

² Loi constitutionnelle № 92–554 du 25 juin 1992//<http://www.culture.gouv.fr/culture/dglf/>

³ *Cerquiglini B.* Renouveau des perspectives sur la langue française: contre la monoglossie // *Dialogues et cultures*, 2001. № 45. Modernité, diversité, solidarité. T. 1. P. 99.

⁴ *North X.* La langue et l'Etat // *L'avenir du français*. P., 2008. P. 39.

⁵ См.: *Klinkenberg J.-M.* La diversité linguistique... P. 61.

⁶ *Klinkenberg J.-M.* L'héritage du passé: aux origines de l'expansion du français // *L'avenir du français*. P., 2008. P. 9.

⁷ *Ibid.* P. 10–12.

⁸ *Klinkenberg J.-M.* Les politiques linguistiques: pour qui? pour quoi? // *Dialogues et cultures*. 2001. № 45. Modernité, diversité, solidarité. T. 1. P. 67–68.

⁹ *Martinet A.* Le français sans fard. P., 1969. P. 82.

¹⁰ *Chaurand J.* Histoire de la langue française. P., 1972. P. 96.

¹¹ *Desirat H., Horde T.* La langue française au XX-e siècle. P., 1976. P. 82.

¹² *Klinkenberg J.-M.* La diversité linguistique... P. 61–63.

¹³ *Klinkenberg J.-M.* Les politiques linguistiques... P. 77.

¹⁴ *Calvet L.-J.* Le versant linguistique de la mondialisation // *Dialogues et cultures*, 2001. № 45. Modernité, diversité, solidarité. T. 1. P. 80–81.

¹⁵ *Klinkenberg J.-M.* La diversité ... P. 65.

¹⁶ См.: *Cerquiglini B.* Op. cit. P. 98–99.